

ЕВГЕНИЙ
КАРНОВИЧ

Очерки и рассказы
из старинного быта
Польши

Евгений Петрович Карнович

Ян Собеский под Веною (Очерки и рассказы из старинного быта Польши)

«Король и войско были утомлены, и по удалении турков они расположились на отдых в захваченном ими турецком лагере. Король занял ставку визиря и тотчас же принялся писать письмо к своей дорогой Марусе. В этом письме Ян III передавал своей жене все подробности славного боя и упомянул, что турецкий лагерь был так обширен, как Львов или Варшава. Слова короля были вполне справедливы, потому что лагерь Кара-Мустафы мог вместить в себе не только трёхсоттысячное турецкое войско, но и огромный турецкий обоз, а также множество пленников, захваченных турками. Когда же в этом лагере расположилось польское войско с вспомогательными отрядами имперских князей, то в общей сложности вся армия Собеского заняла только четвертую часть турецкого лагеря. Это обстоятельство ясно показывало какой неравный бой выдержал Ян III под Веною...»

**Евгений Петрович Карнович
Ян Собеский под Веною**

Недалеко от Варшавы, на небольшом пригорке, называемом Маримонтом, т. е. горою Марии (Mariae mons), королева Мария Казимира, жена короля Яна III Собеского, построила маленький загородный дворец. Дворец этот был окружён в ту пору густым лесом, который обхватывал кругом почти всю тогдашнюю Варшаву, и в котором водилось много диких зверей. В этом лесу любил охотиться Собеский.

Однажды, в исходе августа 1683 года, громкие звуки охотничьих рогов и лай собак дали знать королеве Марии Казимире, что в Маримонту приближается король, возвращавшийся в то время с охоты на пир, устроенный для него королевой. На этом пиру Ян III, окружённый первейшими сановниками королевства, дал слово, что он не примет мира, предложенного ему грозною в ту пору Турциею, и что он пойдёт для избавления Вены, к которой, как страшные тучи, приближались с юга турецкие полчища.

Храбрый Собеский сдержал своё слово.

11-го сентября того же года король, при заходе солнца, располагался лагерем на горе Ка-

ленберг вблизи Вены. Громадные башни церкви Св. Стефана величаво возвышались перед королём на гаснувшем небе, а с занятой Собеским горы он мог ясно видеть всю столицу римско-немецкого кесаря, которая как будто лежала у его ног. Турецкие войска были в это время расположены под Веною на протяжении с лишком полмили. Вскоре после прихода поляков в Вене поднялся сильный вихрь, с ожесточением подул он против польского лагеря, подымая в воздухе огромные клубы пыли и засыпая ею глаза польских всадников, которые от сильных порывов вихря едва могли удержаться на конях. Двадцать шесть часов сряду бушевала непогода.

Между тем для короля на опушке дубовой рощи разбили небольшой намёт и в нём разостлали на земле его походную постель. Король уселся на постели, а перед ним стали в почтительном молчании вожди польской рати.

– Не знаю я, на кого мне положиться, – сказал в раздумье Собеский, – сам я устал, и мне непременно нужно отдохнуть перед завтрашней работой, а между тем нынешней ночью

венский комендант будет давать мне сигналы, нельзя пропускать их, но я так устал, что никак не могу наблюдать за ними сам.

– Положитесь на меня, ваше величество! – громко и торопливо сказал королевский конюший, стараясь предупредить этими словами всех находившихся в намёте, из которых, как он знал, каждый наперерыв готов был предложить королю свои услуги.

– Хорошо, – сказал ласково король и затем отдал по своему войску следующий лозунг: "Во имя Богородицы помощи нам Господи!"

После этого распоряжения король приветливым поклоном дал знак своим сподвижникам, чтоб они удалились из намёта. По выходе их, Собеский улёгся на постели и вскоре заснул. Между тем конюший сел в дверях намёта, на деревянной скамеечке, которую королевский стремянной всегда возил за Яном III, так как он, по своей тучности, не мог сесть на коня, не ставши одной ногой на скамейку. Ровно в полночь взвилась ракета над башней Св. Стефана.

– Ваше величество! – крикнул громко конюший, – первый сигнал подан.

– Это значит, – отвечал пробудившись Собеский, – что они переправились благополучно через Дунай.

Спустя несколько времени, на тёмном небе рассыпалась красными искрами другая ракета.

– Ваше величество! – крикнул так же громко конюший, – второй сигнал подан.

– Это значит, – проговорил король, – что они двинулись из укреплений.

Прошло немного времени, и снова над тихой и погружённой во мрак Венной сверкнула и лопнула ракета.

– Ваше величество! уже третий сигнал подан! – громче прежнего крикнул конюший, входя в королевский намёт.

Король быстро поднял с подушки голову, и стал набожно креститься, приговаривая:

– Да будет прославлено имя Господне! – это значит, что они подошли к нам на помощь.

Сказав это, король завёл часы с будильником, поставив стрелку на трёх часах; после этого он улёгся на постель, закрыл глаза и заснул богатырским сном. Конюший между тем дремал на скамейке, покачивая голову то

вниз, то из стороны в сторону. Вскоре после полуночи вихрь унялся, звёзды ярко засверкали на тёмном небе, тихая и ясная ночь предвещала погодное утро.

В три часа будильник в намёте Собеского сперва зашипел, а потом принялся стучать и звенеть. Король встрепенулся на постели.

– Кто тут? – крикнул он громким голосом.

На зов короля прибежал один из шляхтичей, спавших подле королевского намёта.

– Беги поскорее к ксёндзам-капелланам, – сказал Собеский, – разбуди их и скажи, чтобы они велели составить алтари из барабанов, и чтобы сами готовились служить обедню.

Опрометью побежал шляхтич исполнять королевское предписание. Между тем проснулся и конюший; король взял от него скамеечку, положил на неё лист бумаги, и сидя на постели, принялся писать письмо к жене. Настоящее письмо короля, как и вообще все его письма к королеве Марии Казимире, начиналось следующим обычным приветствием:

"Единственная отрада моей души и моего сердца, моя прехорошенькая и моя преми-

ленькая Маруся!"

В письме своём Собеский подробно рассказывал жене о своей счастливой переправе через Дунай, он описывал ей имперских князей, которые с своими небольшими отрядами прибыли в Вене на подмогу, и которые поступили под его главное начальство; Собеский сообщал Марии Казимире о трудах и лишениях войска во время похода, а также о той страшной непогоде, которую привелось испытать полякам перед Веной. Ужасный, двадцатичасовой вихрь Собеский простодушно приписывал колдовству великого визиря, который, по словам короля, был великий чародей. Письмо своё король окончил замечанием о том, что по всей вероятности решительный бой между поляками и турками будет не ранее, как дня через два: королевскому войску, утомлённому неблизким походом, необходим был порядочный отдых; нужно было также построить батареи и полевые укрепления; а между тем на деле Собескому пришлось биться с турками в тот же день, в который он отправил своё письмо в Варшаву.

Окончив письмо, король вышел к войску и

в виду его благоговейно отслушал обедню под открытым небом, а как только стало подниматься солнце, король и гетман приказали войскам садиться на коней. Скоро загремели трубы, литавры и барабаны, а спустя немного времени, с вершины Каленберга потянулись густыми рядами конница, пехота и артиллерия, занимая назначенные им места.

На широком пространстве расстилался перед поляками укреплённый лагерь великого визиря Кара-Мустафы и его сподручника – крымского хана. С изумлением услышал визирь о том, что на него наступают поляки; он сперва не поверил этой грозной вести и опрометью выбежал из своей ставки, стараясь убедиться своими глазами в справедливости этой вести. Легко убедился визирь, что он имеет дело с тем, кто ещё и прежде так беспощадно громил турецкие полчища, потому что утреннее солнце ярко освещало знамёна Собеского.

– О, король! – воскликнул с отчаянием визирь, – как жестоко ты поступаешь со мной!

Между тем войска Яна III становились в боевой порядок. Король был постоянно впере-

ди их. На нём, в это славное для него утро, был надет суконный кунтуш голубого цвета, белый шёлковый жупан и литой золотой пояс, на голове был серебряный шишак с золотым одноглавым орлом. Король был верхом на коне золотисто-гнедой масти. На правой стороне королевского седла был приторочен небольшой барабан, в который время от времени ударял король, призывая к себе условленным числом ударов того или другого из польских военачальников.

За Яном III безотлучно следовали стремянной и щитоносец; последний держал в руке щит с королевским гербом, в котором на золотом поле была изображена чёрная воловья голова, пронзённая мечом. За Яном III следовал также королевский хорунжий, на древке его значка горделиво развевались соколиные перья; по этим перьям королевские войска должны были узнавать то место, где во время боя находился Собеский.

Королевич Якуб не отставал ни на шаг от своего отца; он был в серебряном шишаке, в латах и имел у седла так называемый кончар, оружие вроде меча, заострённое с обеих сто-

рон.

Когда всё войско окончательно стало в боевой порядок, то король приказал серадзскому воеводе Щенсному Потоцкому, чтоб он первый ударил на турок со своей гусарской хоругвью. Исполняя приказания государя, воевода выехал вперёд перед своим отрядом; по команде его гусары нагнули к земле пики, и склонив немного свои головы, покрытые блестящими шишаками, пустились, как вихрь, во весь опор против показавшейся перед ними турецкой конницы. Шумели и веяли холодом крылья из орлиных и соколиных перьев, прикрепленные, по обычаю того времени, за плечами гусаров. С пронзительным свистом прорезали воздух их длинные пики, шелестя своими разноцветными значками. Всё это сливалось в какой-то неопределённый, но грозный гул; казалось, что на врага неслась теперь стая каким-то чудовищных птиц, закованных в стальные доспехи.

Не выдержала турецкая конница дружно-го и неожиданного натиска поляков; ошеломлённая и расстроенная, она в беспорядке попятилась назад; турецкие кони, испуганные

видом крылатых всадников, бешено метались из стороны в сторону, закусывали удила, ржали, становились на дыбы и сбрасывали с себя оробевших турок. Опомнившись однако от первого испуга и видя малочисленность поляков, турки собрались снова и с грозным гиком окружили со всех сторон отряд серадзского воеводы. Верная гибель угрожала его хоругви. В это время проворно спешила с коней панцирная хоругвь другого Потоцкого, Станислава, старосты калишского, и кинулась на выручку своих погибавших товарищей.

Завязалась жестокая сеча. Между тем на другом конце равнины засевающие за окопами янычары осыпали поляков градом пуль. Три раза ходили на штурм окопов поляки и три раза устилали к ним путь своими трупами. Наконец, только после четвёртой ожесточённой и самой продолжительной схватки, окопы достались полякам.

В это время Собеский двинул часть своих войск прямо на визирскую ставку; с неудержимым напором рванулись вперёд поляки. Тщетно визирь, окружённый плот-

ною толпою своих телохранителей, приказал распустить большое знамя Магомета, желая этим воодушевить свои оробевшие рати во имя Аллаха и его пророка. Но горсть храбрецов скоро пробилась до этого знамени и к ужасу Кара-Мустафы овладела им.

– Спасай меня, если можешь! – вскрикнул в отчаянии визирь, обращаясь к бывшему близ него татарскому хану.

– Я знаю короля польского, – отвечал татарин, – он спуску не даст! Мне теперь не до тебя, только бы самому мне улизнуть отсюда! Прощай!..

И с этими словами хан ударил нагайкою своего коня и поскакал во весь опор с поля битвы. Следом за ним помчался и великий визирь. Видя, что на обоих крыльях неприятель дрогнул, сам король ударил на турецкий лагерь. Тщетно отстаивали его янычары с мужеством, доходившим до отчаяния. Собеский скоро овладел турецким укреплением.

Но опасность для Вены, несмотря на успех Яна III, ещё не миновала; часть янычаров пошла на штурм императорской столицы, а между тем турецкие полки, обратившиеся в

бегство, оставались без преследования. Собеский выходил в это время из себя, досадуя на то, что комендант Штаремберг не воспользовался удобной минутой для того, чтобы, сделав вылазку, отбить штурм и потом преследовать бежавших.

– Не будь я король, – сказал он в припадке гнева, – если завтра не велю повесить Штаремберга посреди Вены; неприятель бежит, а он с двадцатитысячным гарнизоном точно дремлет!

Впрочем, отбивать штурм янычаров от Вены было напрасно: едва только они узнали, что великий визирь и хан бежали с поля битвы, как сами последовали их примеру. Густые толпы янычаров поспешно отхлынули от стен Вены и пустились врассыпную во все стороны.

Но Собеский был не Штаремберг. Он воспользовался расстройством турок. Быстро ударив в тыл бегущих, он на большом пространстве колот, рубил и топтал неприятеля. Увидя же, что турки разбиты и рассеяны окончательно, Собеский приказал прекратить преследование.

Солнце было уже высоко и припекало сильно. Король и войско были утомлены, и по удалении турков они расположились на отдых в захваченном ими турецком лагере. Король занял ставку визиря и тотчас же принялся писать письмо к своей дорогой Марусе. В этом письме Ян III передавал своей жене все подробности славного боя и упомянул, что турецкий лагерь был так обширен, как Львов или Варшава. Слова короля были вполне справедливы, потому что лагерь Кара-Мустафы мог вместить в себе не только трёхсоттысячное турецкое войско, но и огромный турецкий обоз, а также множество пленников, захваченных турками. Когда же в этом лагере расположилось польское войско с вспомогательными отрядами имперских князей, то в общей сложности вся армия Собеского заняла только четвертую часть турецкого лагеря. Это обстоятельство ясно показывало какой неравный бой выдержал Ян III под Веною.

Среди торжества победителей наступил вечер, а за ним и ночь. Король, несмотря на утомление, не ложился спать, но продолжал писать письмо к своей жене. В полночь

страшный грохот встревожил всё войско, все проснулись и засуетились, стали заряжать ружья, садиться на коней, а пехота выстроилась в боевой порядок. Сам король был уже верхом, когда оказалось, что тревога была напрасна. Весь ночной переполох объяснился тем, что поляки в нескольких местах подожгли огромные пороховые склады, оставленные близ лагеря убежавшими турками. От взрыва пороха дрогнула земля. Описывая этот случай своей Марусе, король замечал, что он "видел подобие страшного суда". К счастью, однако, несмотря на ужасный взрыв, никто не был ни убит, ни ранен.

Богатая добыча досталась победителям. По словам короля, ценность того, что поляки забрали в турецком лагере под Веною, нельзя даже было сравнить с тем, что они отбили у турок под Хотинном, хотя и там досталось им слишком много. Кроме палаток, обоза, коней, стоимость одних сёдел, унизанных рубинами и сапфирами, оценивали на несколько тысяч тогдашних червонцев. Добыча эта пополнялась множеством сабель в золотых ножнах, кинжалов в драгоценной оправе, ружей, пи-

столетов и дорогой сбруи. Число захваченных намётов простиралось до ста тысяч. В письме Собеского к жене, написанном, как мы сказали, в ту же самую ночь, он между прочим замечал: "не укоришь меня теперь, моя душечка, как укоряют татарские жёны своих мужей, возвращающихся с войны без поживы, говоря им: "видно, что вы не молодцы, если вернулись без добычи, потому что она достаётся только тем, кто бывает впереди"".

В числе трофеев была и хоругвь Магомета. Огромное это знамя, древко которого было в вышину 12 футов, имело в длину 8 футов. Оно было сделано из зелёной шёлковой материи, богато и узорчато вышитой серебром и золотом. На этой хоругви, кроме арабской надписи, было изображение двух звёзд и полумесяца, обращённого рогами вниз. Хоругвь, отбитую под Веной, король отправил в Рим с одним из польских епископов, и папа Иннокентий XI приказал повесить её на вечные времена в храме св. Петра, на память торжества христиан над неверными.

После взятия турецкого лагеря, в нём найдено было множество христианских пленни-

ков, и в особенности пленниц. Убегавшие турки, в дикой злобе, предавали смерти беззащитных невольников.

"Много оставили они живых людей в лагере, – писал в другой раз король к своей жене, – но и убили тех, кого успели, в особенности же много убитых женщин. Мы нашли также множество раненых пленников, из которых, вероятно, некоторые останутся в живых. Вчера, – продолжает король, – я видел одного ребёнка, прехорошенького мальчика лет трёх, которому негодяй турок отрезал губы и рассёк голову".

Только мужеством и решимостью польского короля была освобождена Вена от страшного погрома, а вся Австрия была избавлена от конечного разорения, потому что в ту пору всюду, где только проходили турки или крымцы, оставались одни безлюдные пустыни. Случалось, что крымцы, при своих набегах на пограничные польские области, выводили иногда оттуда в один раз более 60.000 пленных девушек! Долго бы не забыла Австрия грозивший ей турецко-татарский разгром, если бы на выручку ей не поспешил Со-

беский.

На другой день после битвы, т. е. 13-го сентября, король въехал в Вену. Комендант Шта-ремберг просил короля пожаловать в императорскую столицу не через главные ворота, которые были завалены во время осады, но просил его въехать в Вену каким-то тёмным и узким проходом, устроенным для вылазок и освещённым на этот раз несколькими факелами. Едва король показался в городе, как народ кинулся на встречу Собескому и бежал за ним, целуя его руки и ноги и провозглашая его своим избавителем. Вена, которая могла бы продержаться лишь несколько дней, представляла в это время ужасную картину опустошения: императорский дворец, почти до основания размётанный турецкими ядрами, лежал в печальных развалинах; стены большей части домов были прострелены и едва держались; немало было и таких зданий, от которых остались одни только груды камней.

В сопровождении ликующей толпы, заступавшей дорогу, король шагом едва мог добраться до церкви св. Стефана. Здесь встретил его проповедник и начал свою приветствен-

ную латинскую речь применением к королю Яну или Иоанну следующих евангельских слов: "И бысть послан от Бога человек некий, имя ему Иоанн". С подобающим благоговением выслушал Собеский обедню и благодарственное молебствие, при громе пушек и звоне колоколов, и затем, окружённый снова плотною толпою, отправился на обед к коменданту; а после обеда тотчас оставил спасённую им Вену.

С грустью увидел король, что возврат его в лагерь из Вены не сопровождался уже теми радостными кликами, которыми приветствовал народ въезд его в столицу Леопольда I. Зависть успела в несколько часов сделать своё дело – и толпе запрещено было величать Собеского освободителем Вены. В молчании, только протягивая к королю руки, жители Вены проводили Яна до городских ворот, которые были теперь уже распахнуты настежь, для его выезда; между тем как за несколько часов перед этим победитель турок должен был как будто украдкой пробираться в освобождённую им столицу!

Тщеславный император Леопольд I оказал

Собескому за его богатырский подвиг чёрную неблагодарность. Король, несмотря на своё добродушие, не мог сдержать справедливого негодования против надменного кесаря и в письмах к жене горько сетовал на то, как отплатила ему Австрия за польскую кровь, пролитую под стенами Вены.

Две поговорки остались у поляков в память этого славного, но неоценённого Австрией похода; первая из них насмешливо утверждает людям, растерявшим своё добро в чужую пользу, что они ходят "с саблей и с босыми ногами" (z kordem a boso), намекая этими словами на то, что храбрые отряды польских гусаров и польских панцирников, потеряв на обратном походе из Вены своих лихих коней по недостатку корма, вернулись домой хоть и с саблями, но зато пешком и притом с босыми ногами. Другая поговорка употребляется для оценки труда, не приносящего самому трудящемуся никакого вознаграждения: "это стоит столько же, сколько сражаться за Вену", приговаривают в иных случаях поляки.

Замечательно, что ни одна песня, ни народная, ни шляхетская, не сохранила в Поль-

ше памяти о славной победе под Веною. Народ как будто оценил это событие прежде, чем история произнесла ему свой справедливый приговор. Между тем как будто в противоположность этому грустному забвению родной славы, у поляков, за десять лет до венского похода, явилась народная песня о боище с турками под Хотинном, где Ян Собеский, в то время ещё только гетман коронный, разбил на голову огромное турецкое войско. Песня о хотинской победе быстро разнеслась по всей тогдашней обширной Польше, которая расстилалась от Балтийского моря до Чёрного и от Днепра до Эльбы. Песнь о хотинском победителе распевали долгое время и в богатых замках магнатов, и в уголку скромной хаты поселянина; ещё дольше пели её во всех походах и на всех стоянках польского рыцарства. Песня эта увековечила в народе память о Собеском, а между тем, несмотря на то, что победа под стенами Вены, изумившая всю Европу, была гораздо славнее победы хотинской, — никто однако не сложил в честь венского боища никакой песни.

Скажем, впрочем, что между словаками и

венграми сохранилась память о Собеском в народной песне. Песня эта рассказывает о том, как на гнедом коне с золотыми поводьями съезжал с вершины белой горы король Ян, готовясь на битву с турчинами, окружившими Вену...